

Борисовъ считается уезднымъ городомъ Минской губернии и лежитъ отъ Минска въ 74 верстахъ; границы его: пойма князя Радзивилла, — Люботовщина, деревня Корыбского, — Кобыльщина — бывшее имѣніе Борисовской православной церкви, и Гавинскіе лѣса.

Начало Борисова нужно относить къ весьма отдаленной древности. По предположенію Стрыйковскаго, Борисовъ явился во второй половинѣ XII вѣка. Стрыйковскій говоритъ, что въ 1172 г. польскій князь Борисъ Гинилловичъ, желая обозначить границы своихъ владѣній, смежныхъ съ литовскими, положилъ на одномъ рубежѣ своего княжества, именно близь рѣки Двины, камень съ надписью: *вспомоги Господи раба своего Бориса, сына Гиниллова*, — а на другомъ, именно близь рѣки Березины, построилъ замокъ и городъ, который назвалъ въ честь своего имени — Борисовомъ. (170) А чтобы придать болѣе значенія своему предположенію, Стрыйковскій увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ этотъ пограничный камень съ вышеприведенною надписью. — Стрыйковскому на слово повѣрилъ Колловичъ и тоже свидѣтельствуесть, что Борисовъ построенъ въ 1172 году, прибавляя, что въ его еще время находился въ Двинѣ огромный камень, на которомъ высѣченъ былъ пятигранный крестъ съ тою же надписью (171). Еще болѣе Колловича ошибается составитель литовской хроники, означая временемъ построения Борисова 1799-й годъ (172).

Борисовскій камень до сихъ поръ лежитъ въ рѣкѣ Двинѣ въ семи верстахъ отъ города Двины, но направленно къ Дрисѣ, и дѣйствительно съ надписью, упомянутой Стрыйковскимъ; только въ этой надписи нѣтъ словъ: *Гиниллова*, да и слѣдовъ его не видно. Очевидно, это прибавленіе историка-поэта, о которомъ весьма справедливо замѣчено однимъ ученымъ, что онъ (Стрыйковскій), желая во что бы то ни стало доказать построеніе Борисова Борисомъ *Гинилловичемъ*, сочинилъ Борису отечество — Гинилловичъ, въ полной надеждѣ, что по смерти ему не при-

(170) Strykows, стр. 274.

(171) Kojalowitz, — листъ 74; см. Święckiego — opis starożytny Polski, стр. 279.

(172) Kron. Lit, wyd. przez Narbutta, 1846 г. Str. 11.

лется красить передъ повѣстнымъ историкомъ, съ которымъ онъ никогда не встрѣтится (173). При этомъ замѣтимъ, что и самое имя Гинилла есть пороженіе фантази г. Стрыйковскаго. Выписавъ подлинныя слова историка. Вотъ онъ. «Во время нашествія Батя, въ Жмуди господствовалъ *Монтивалъ*, потомокъ какого-то римлянина Палемона. Сынъ Монтивала Эрдвилъ построилъ Гродно, а его сынъ — Мингайло завоевалъ Полоцскъ. Сынъ Мингайлы *Гинилла* крестился, и названный въ крещеніи Юрьемъ, женился на дочери тверскаго князя Бориса: отъ нихъ родился Борисъ. Онъ строилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвращалъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкой Березиной построилъ Борисовъ. У Борисова остался сынъ бездѣтный Василій, который былъ отцемъ Губа, умершаго бездѣтнымъ, и Евпраксії, умершей вдовицей. И такъ, родъ Гинилловъ вымеръ. Но у Гиниллы былъ братъ Скирмунтъ, отъ котораго родилось три сына, въ томъ числѣ Тройнанъ, внослѣдствіи отецъ Алгимунта и дѣдъ Ринволта: отъ послѣдняго рождался знаменитый Миндовгъ!» Удивительная несообразность! Монтивалъ жилъ во время нашествія Батя, и праправнукъ праправнука его Миндовга также при Батюгѣ жилъ?... А тверскій князь Борисъ, какъ попалъ въ родство съ Гинилломъ, когда онъ вовсе не жилъ въ это время?...

Послѣ такого неосновательнаго предположенія Стрыйковскаго о построеніи Борисова на основаніи надписи на двинскомъ камнѣ, можно было бы прибѣгнуть къ гораздо вѣрнѣшему предположенію о томъ же на основаніи надписи на такъ-называемомъ *Борисовскомъ* или *Борисоглѣбскомъ* камнѣ, который несравненно болѣе лежитъ отъ Борисова, чѣмъ двинскій, и самая надпись заключаетъ въ себѣ болѣе вѣроятія въ отношеніи историческомъ. Попробимъ это самымъ дѣломъ.

Первый изъ русскихъ ученыхъ упомянулъ о борисовскомъ камнѣ не какъ очевидецъ, впрочемъ, а на основаніи народнаго разказа, г. Малгинъ въ изслѣдованіи своемъ о времени смерти Василя Святославича, внука Мономахова, котораго онъ призналъ одно лицо съ Роговолодомъ, упоминаемымъ въ надписи подъ именемъ Василя (174). Указаніе Малгина обратило вниманіе знаменитаго современнаго любителя отечественной исторіи и древностей канцлера графа Румянцева, который, вслѣдствіе этого указанія, нѣсколько разъ обращался къ разнымъ ученымъ изслѣдователямъ и даже книгопродавцамъ для открытія мѣста храненія

(173) Rubon, T. 11 st. 37. 38.

(174) Зерцало Россіиск. Государей, стр. 168.

камня и снимка надписи. Наконецъ самъ ѣздилъ въ окрестности города Борисова и просилъ жителей ихъ поискать этого камня. Вслѣдствіе чего, ректоръ орнанскаго іезуитскаго коллегіума нѣкто Дезидерій Ришардо въ 1818 году сообщилъ графу слѣдующее описаніе камня, который онъ называетъ *памятникомъ*. «Памятникъ этотъ сдѣланъ изъ сѣраго камня и находится внутри часовни на мѣстѣ поля (подмостоки) въ 24 верстахъ отъ Орши по дорогѣ въ мѣстечко Толочино. Ширина его три аршина и шесть вершковъ, длина четыре аршина и четыре вершка. Камень этотъ въ большомъ почтеніи у сѣбѣныхъ жителей, которые называютъ его *борисовскимъ*. Онъ поддерживается четырьмя столбами, и многие старики утверждаютъ, что подъ нимъ собирались играть дѣти и могли проходить взрослые. Но столбовъ этихъ не видать: на поверхности земли лежитъ только самый камень. Очевидно, что онъ запалъ въ землю. Надпись на немъ слѣдующая: *Въ лѣто 6679 (г. е. 1171 г.) мѣсяца мая въ 7-й день успѣ. Господи помози рабу своему Василю въ крещеніи, именемъ Роговоду сыну Борисову* (175).» — Означенный камень вѣдѣсть съ часовнею существовать и въ настоящее время: онъ лежитъ по московской почтовой дорогѣ между мѣстечкомъ Кахановымъ и городомъ Оршею (на границѣ Могилевской губ., смежной съ Минской), въ полуверстѣ отъ почтовой дороги, близь деревни Лисцинова. Народъ и теперь твердитъ, что камень этотъ когда-то очень давно былъ о четырехъ столбахъ или ногахъ съ какою-то головою, и въ такомъ видѣ съ незнаменитыхъ времени стоялъ на полѣ, открытый со всѣхъ сторонъ. Наконецъ въ 1805 году, орнанскій ландвоитъ (голова), по просьбѣ дисциplinовскихъ крестьянъ, считавшихъ камень какою-то святынею, обвелъ его стѣною, а сверху построилъ *капличку*, то есть, часовню. Внослѣдствіи, какой-то мальчикъ вздумалъ отсѣчь столбы или ноги и голову камня и употребилъ ихъ на жернова; съ тѣхъ поръ камень опустился въ землю, а мальчикъ вѣдѣсть съ мельницею сгорѣлъ за свою дерзость. Можетъ быть, это преданіе и не чуждо вымысла, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣе донесенія г. Ришардо, — будто столбы запали въ землю, потому-что въ землѣ вѣдѣсть этихъ столбовъ. Равнымъ образомъ не совсѣмъ вѣрно передать г. Ришардо и самую надпись. Вотъ слово въ слово сохранившаяся до сихъ поръ славянская надпись на этомъ камнѣ вокругъ высѣченнаго на немъ креста: «Въ лѣ: 6679 мѣа мая въ 7-й днѣ досень крѣ снѣ Ги помози: бу свое му Василю вкщени именемъ Роговоду сы Борисову.» То есть, крестъ сей

(175) Сѣверная Почта, 1818 г. № 74, 89.

сдѣланъ (доспелъ) въ 1171 (6679) году, мѣсяца мая 7-го дня: Господи помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Роговолоду, сыну Бориса. Разница между надписью Ришардо и этою та, что Ришардо выѣсто: доспелъ крестъ сей, прочелъ: успе, на основаніи чего и называлъ камень надгробнымъ памятникомъ. Не говорю о томъ, что этотъ камень не можетъ быть названъ надгробнымъ памятникомъ, потому уже, что въ надписи ясно сказано: доспелъ—построенъ, но и форма надписи такого рода, что она напоминаетъ древнее обыкновеніе русскихъ печерскихъ угодишниковъ и вообще благочестивыхъ людей давать знать потомству подобными надписями о своемъ существованіи или построеньи ими храма. Такъ подобныя надписи встрѣчаются до сихъ поръ въ пещерахъ: не дальше, какъ въ 1853 году, въ новооткрытой пещерѣ впаки Теофила, близъ Дѣвпра, между Новымъ Цѣлымъ мостомъ и Кіевопечерскою Лаврою, найдена надпись въ видѣ на образѣ: *Господи! помози рабу своему Теодосію, во мѣсяцѣ Теофилу на многи лета.* (176). Слова: «на многи лета» очевидно показываютъ, что надпись вырѣзана при жизни Теофила. — Что же касается до упоминаемаго въ надписи Борисовскаго камня имени Роговолода, то, вѣроятно, здѣсь дѣло идетъ о второмъ сынѣ Бориса изъ рода князей Полоцкихъ — потомства св. Владиміра по Рогвибѣ, который (Роговолодъ) въ 1144 г. женился на дочери Изяслава Мстиславича и управлялъ Полоцкимъ княжествомъ до 1151 г. Въ (1851) году Полочане, удаливъ его отъ княжескаго престола, приняли мнѣскаго князя Ростислава Глѣбовича. Роговолдъ получилъ отъ Святослава Черниговскаго пособіе и въ 1158 году жители Друцкіе, удаливъ своего князя Глѣба Ростиславича, сына Ростислава Полоцкаго, припали его къ себѣ княземъ; вскорѣ же потомъ Полочане призвали его опять для управленія ими. Сынъ его назывался Глѣбомъ, и о немъ упоминается въ 1181 году, когда онъ былъ союзникомъ Давыда Смоленскаго противъ Святослава и послалъ титулъ князя Друцкаго. Мѣстечко же Друцкѣ на рѣкѣ Друцѣ, гдѣ сохранился до сихъ поръ, такъ называемый *Земляной городокъ* (т. е., окопы, валы), лежитъ отъ камня Роговолодова въ 45 верстахъ. На основаніи этого можно заключать, что камень лежитъ во владѣніяхъ древняго княжества Друцкаго, и что храмъ или вырѣзанный на камнѣ крестъ, о которомъ свидѣтельствуетъ надпись, посвященъ былъ Борису и Глѣбу именно потому, что отецъ Роговолода назывался Борисомъ, а сынъ — Глѣбомъ. Последнее заключеніе подтверждается и тѣмъ, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ

(176) Отч. Записки, 1853 г., № 9, Отд. III.

сплывшимъ къ нему изъ Логойска, послѣ чего овладѣлъ Изяславемъ (178).

Имя въ виду такое сказаніе лѣтописца, изъ котораго видно, что Борисовъ былъ укрепленнымъ городомъ въ 1127 году, мы безъ сомнѣнія должны возводить начало его не къ 1172 или 1199 годамъ, но раніе 1127 г. Въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться съ Нарбуттомъ и Татищевымъ, которые говорятъ, что Борисовъ построенъ въ 1102 году (179). Трудно только допустить то, что Нарбуттъ называетъ основателемъ Борисова мнѣскаго князя Бориса Всеволодовича, или же Татищевъ — полоцкаго князя Бориса Всеволодовича на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами: потому что ни о существованіи Бориса Всеволодовича и Бориса Всеволодовича, ни о построеніи ими Борисова, равно ни о войнѣ послѣдней съ ятвягами нигдѣ не упоминается. Напротивъ, изъ лѣтописей извѣстно, что Всеволодъ Брячиславичъ, полоцкій князь, имѣлъ только одного сына Глѣба, замѣчательнаго по несчастной борьбѣ своей съ Владиміромъ Мономахомъ, которая прекратилась бѣдственною кончиною Глѣба, умершаго безъ потомства въ Кіевѣ въ 1115 году.

На основаніи лѣтописнаго сказанія, по соображеніи отношеній между русскими князьями X и XI вѣковъ, нужно полагать, что Борисовъ обязанъ своимъ существованіемъ Ярославу 1-му, который, послѣ раздѣла Русь (1026) съ побѣдителемъ и братомъ своимъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, получилъ во владѣніе земли по правую сторону Дѣвпра, необходимо долженъ былъ, на случай новой распри съ братомъ, заботиться объ укрѣпленіи границъ своихъ; поэтому построеніе Борисова можно отнести во времени между ихъ раздѣломъ и смертію Мстислава (1032 г.), послѣ которой Ярославъ сдѣлался единовластителемъ всея Руси. Названіе же Борисова Ярославъ далъ изъ уваженія къ памяти брата своего Бориса-мученика.

Почти два вѣка Борисовъ былъ собственностью Русскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка, въслѣдствіе ослабленія Руси борьбою улѣловъ, Борисовъ выѣстъ съ прочими княжествами кривичскими перешелъ во власть литовцевъ, а потомъ поляковъ, и съ тѣхъ поръ, какъ городъ пограничный, лежащій на рубежахъ владѣній Россіи, Литвы и Польши, былъ свидѣтелемъ военныхъ движеній этихъ трехъ государствъ, а также временнымъ мѣстомъ пребыванія ихъ государей, королей и князей.

(178) Полн. Собр. Русск. лѣтоп. 1848 г., т. II, стр. 11; — Narbutt T. III, стр. 273.

(179) Narbutt. Dzieje Nar. Lit. T. III, str. 276.

въ день этихъ угодишниковъ ежегодно отправлялось на камнѣ молебствіе, и что камень этотъ до сихъ поръ въ устахъ народа называется божье подлѣ именемъ Борисоглѣбскаго, члѣтъ Борисовскаго.

Но ни на основаніи надписи на камнѣ Борисовскомъ или Борисоглѣбскомъ, ни на основаніи надписи на камнѣ двинскомъ нельзя опредѣлить начала появленія Борисова, во-первыхъ, потому что ни въ той ни въ другой надписи не говорится о построеніи города, а только упоминается объ именахъ какихъ-то Борисовъ: здѣсь возможно только предполагать, но и самое предположеніе въ этомъ случаѣ опровергается генеалогическими и хронологическими изслѣдованіями о князествѣ и князяхъ Полоцкихъ; во-вторыхъ, потому что та и другая надписи подлежатъ сомнѣнію: не подложны ли онѣ? Въ-третьихъ, наконецъ, потому (а это-то особенно и важно), что предположеніе о времени построенія Борисова, принятое Стрыйковскимъ, Кольовичемъ и составителемъ литовской хроникѣ на основаніи надписи на двинскомъ камнѣ, противорѣчитъ литовскому сказанію Нестора. По мнѣнію Стрыйковскаго и Кольовича Борисовъ построенъ въ 1172 году, а по мнѣнію составителя литовской хроникѣ въ 1199 г.; между тѣмъ, у Нестора о Борисовѣ упоминается подлѣ 1127 годомъ по случаю войны Мстислава, сына Мономаха, съ князьями Полоцкими на обратномъ пути его послѣ войны съ ятвягами. Изъ литовскихъ извѣстій, что Мстиславъ, сынъ Мономаха, сдѣлавшись княземъ всея Руси (1125 г.), по случаю войны съ Половцами, обратился за помощію къ сосѣднимъ княжествамъ и въ особенности, какъ къ болѣе сильному племени, къ кривичамъ, но кривичи отказали ему въ помощи. Это оскорбило Мстислава. Окончивъ удачно войну съ Половцами (1127 г.), Мстиславъ рѣшился завоевать землю кривичей и тѣмъ положить конецъ могуществу этой отрасли русскихъ славянъ, не хотѣвшей подчиниться власти князя всея Руси. Соединившись съ союзными князьями, онъ двинулъ войско въ числѣ нѣсколькихъ отрядовъ въ столицу кривичей Изяславль: «въ 6635 (1127 г.) лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣхъ четырьмя пути и повелѣлъ имъ идти къ Изяславлю (177)»; но такъ какъ на пути встрѣтилъ сильное пренятствіе для входа въ Изяславль со стороны сильноукрѣпленнаго города Борисова, то послалъ одного изъ князей именно Всеволода Ольговича (брата своего) осадить Борисовъ и взять его приступомъ. Отстранивъ пренятствіе, Мстиславъ двинулся далѣе и соединился съ новымъ войскомъ,

(177) Лѣтопис. Литов. издан. Археогр. Комис. стр. 130.

Такъ, походы литовскаго князя Витовта въ 1395 году въ Орну и Витебскъ противъ Свидригайла, а въ 1401-мъ г. въ Смоленскъ противъ Юрья Святославича, потомъ въ 1405 и 1425-хъ годахъ въ Нескогъ несчае могли быть совершаемы какъ чрезъ Борисовъ и борисовскій уѣздъ. Слѣды хотя и заросшихъ, но еще сохранившихся отчасти возлѣ самаго Борисова и въ его окрестностяхъ дорогъ, которыя нѣкогда Витовтъ проложилъ и насыпалъ въ болотистыхъ мѣстахъ мелкимъ камнемъ и щебнемъ, и которыя до сихъ поръ извѣстны въ устахъ народа подлѣ именемъ дорогъ *Витовыхъ*, ясно свидѣтельствуютъ о дѣйствительности этихъ походовъ. Первые слѣды Витовтовой дороги можно встрѣтить на границѣ игуменскаго и борисовскаго уѣздовъ, близъ дер. *Калушнѣ*, имѣнія К. Ваньковича, гдѣ поле и дорога называется общимъ именемъ *Витовскихъ*. На востокъ отъ этого поля, въ лѣсахъ, по долинамъ, съюкосамъ и *логичинамъ* (бродамъ) попадаются слѣды узкой, но хорошо выгнѣженной витовтовой дороги съ довольно частыми прерывами на испаханыхъ поляхъ. — Съ правой стороны р. Березины, на границахъ деревень: Жуковки и Поделюнецъ, опять замѣтна дорога, которая прерывается у самой р. Березины въ селѣ Муромовѣ и извѣстна подлѣ именемъ *Витовой*. По лѣвую сторону Березины, слѣды этой дороги исчезаютъ и являются опять по прямому направленію къ границѣ Ковельскаго уѣзда (Могил. губ.), смежнаго съ Борисовскимъ. — Объ этихъ дорогахъ въ народѣ хранится преданіе, что здѣсь когда-то проходила какой-то воинъ-князь по имени *Витъ* (180) съ большимъ войскомъ, которое пролагало новыя дороги, тербило лѣса, заруживало болота камнями, строилъ на рѣкахъ мосты и по теченію солнца пробиралось впередъ.

Послѣ смерти Витовта, въ 1430-мъ году, Ягелло, возведши на престолъ литовскаго княжества брата своего Свидригайла, удержалъ за собою подольскую область не смотря на то, что она принадлежала Литвѣ. Свидригайло настаивалъ, чтобы Ягелло отдалъ ему эту область, но Ягелло не согласился. Въслѣдствіе этого, Свидригайло, пригласивъ однажды Ягелла къ себѣ въ Литву на охоту, заключилъ его въ темницу. Но такъ какъ свѣтъ и дворяство литовское вступили за Ягелла, то Свидригайло долженъ былъ выпустить брата, который въ свою очередь рѣшился отменить Свидригайла, какъ неблагодарному брату. Пользуясь расположеніемъ литовскаго народа, Ягелло воору-

(180) Такъ называетъ народъ Витовта: сравн. вышесу въ статьѣ о Ловичѣ, — выше глав. X.

теус (король Стефан Баторий); два круга, безъ сомнѣнй замѣчали тарелку или миску во время обѣда.

Не менѣе интересны преданія борисовскаго народа о Шкуратахъ, Батуринахъ и Бѣлой-Лужѣ. Вотъ онѣ. Проходя съ войскомъ дальше за хуторомъ вышеозначеннаго шалхича, Баторий долженъ былъ переправиться черезъ рѣку, называемую шибъ *Поню*; такъ какъ на ней небыло моста, то король велѣлъ наскооро сдѣлать мостъ изъ сырыхъ лошадиныхъ шкуръ, отчего будто получила свое названіе ферма или корчма *Шкураты*. Потомъ король переправился черезъ Березину, гдѣ сдѣланъ былъ первый деревянный мостъ; въ память этой переправы построены хуторъ и названъ *Батурино*. Въ пяти верстахъ отъ Батурина, король долженъ былъ перейти черезъ большое, тонкое озеро, раскинутое на полуверстѣ, вслѣдствіе чего солдатамъ нельзя было запрудить его бѣлымъ пескомъ и сдѣлать греблю. Не смотря на давность времени, гребля и теперь довольно крѣпка и среди болотистаго чернозема бѣлѣетъ отъ бѣлизны пескомъ: отсюда, говорятъ, гребля получила названіе *Бѣлой-Лужы*.

Послѣ Баторія черезъ борисовскія земли проходилъ, въ 1604 году, Сигизмундъ III въ Смоленскъ и потомъ въ Москву. По свидѣтельству Жолѣвскаго, Сигизмундъ III, получивъ въ Минскѣ извѣстіе отъ великаго старосты Гонсьвскаго, что Смоленскъ неукрѣпленъ и неимѣетъ достаточнаго количества для защиты, а польскія войска должны какъ можно скорѣе съѣхать туда, — на другой же день оставилъ Минскъ и отправился въ Борисовъ, а отсюда въ Оршу (188).

Въ 1654 году, вслѣдствіе присяги Богдана Хмельницкаго со всѣмъ Запорожьемъ въ вѣроподданничествѣ Россіи, возникла война между королемъ Яномъ-Казиміромъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Русскія войска, предводительствуемыя самимъ государемъ, разбили на голову короннаго гетмана Радзивилла подъ Шкловомъ и безъ боя заняли Ковно, Гродно, Вильно, Могилевъ, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ и только одинъ Борисовъ, въ то время довольно укрѣпленный, нѣсколько часовъ защищаемъ былъ свидѣвшими въ немъ полками, но все-таки подпадаемъ общему участи побѣды русскихъ (189). Спустя шесть лѣтъ, именно въ 1660 году, поляки, пользуясь раздорами русскихъ воеводъ, спорившихъ изъ-за мѣстничества, ворвались въ Бѣловоеводъ и Стефанъ Чарнецкій осадилъ Борисовскую крѣпость, какъ болѣе важный пунктъ въ стратегическомъ отноше-

(188) Руконисъ Жолѣвскаго, изд. П. Музановичъ, стр. 44 — 45.

(189) *Opisanie Starożytny Polski*, str. 277.

откуда могъ стеречь берегъ Двины со стороны Полоцка и берегъ Березины со стороны Борисова. Простившись въ Сморгоняхъ съ другомъ своимъ Лещинскимъ, Карлъ быстрымъ маршемъ пошелъ въ Минскъ и безъ боя занялъ этотъ городъ. Изъ Минска, по свидѣтельству французскаго историка (191), черезъ густые лѣса пробрался къ рѣкѣ Березинѣ и сталъ въ виду Борисова, какъ бы для переправы черезъ рѣку. Петра Великій собралъ сюда всѣ свои войска и хотѣлъ было выѣхать къ Карлу, чтобъ не допустить его къ переправѣ. Тогда Карлъ двинулся съ войсками выше противъ течения рѣки и въ 20 верстахъ отъ Борисова (въ Студенкѣ) переправился черезъ рѣку, а потомъ награницѣ неожиданно на русскій станъ и заставилъ Петра отступить къ Дибру, причѣмъ преслѣдовалъ его до Головичей и тамъ сильно разбилъ его войско. А по свидѣтельству русскаго историка (192), Карлъ XII вышелъ изъ Минска прежде нежели Петръ Великій собралъ свои войска предъ Борисовомъ и 9 іюня очутился въ Игуменѣ, а 14 у береговъ Березины, по переправѣ черезъ которую употребилъ всѣ усилія, чтобъ отбѣснить русскіе войска отъ Дибры. Но русскіе опередили его и онъ одержалъ побѣду надъ ними въ Головичаяхъ. Затѣмъ съ торжественнымъ посѣщеніемъ во внутреннюю Россію, никакъ не думая, что тамъ рѣшится несчастная судьба его. По словамъ Маркевича, Карлъ изъ Минска выслалъ въ Борисовъ гонерама Спарра съ четырьмя полками съ тѣмъ, чтобъ обмануть русскихъ, а самъ пошелъ въ Игумень и съ 16 на 17 іюля переплылъ р. Березину въ мѣстечкѣ Березинѣ же, гдѣ всего на все русскаго войска было 600 человекъ (193). Какъ бы, впрочемъ, ни расходились мнѣнія историковъ въ частности о мѣстахъ переходахъ Карла XII изъ Минска въ глубь Россіи, но все-таки онѣ не противорѣчатъ тому несомнѣнному факту, что Карлъ XII былъ въ Борисовѣ и окрестностяхъ его, что шведы выѣли стычки съ русскими во владѣніяхъ борисовскаго уѣзда на пути въ Головичи. Фактъ этотъ еще болѣе подтверждается археологическими памятниками: безчисленными курганами въ дер. Ухолодѣ и огромнѣйшею высокою плотиною, насыпанною въ самыхъ черноземныхъ тонкихъ болотахъ бѣлымъ пескомъ, за Ухолодомъ по направленію къ Головичамъ. Старожилы говорятъ, что они слышали отъ своихъ дѣдовъ, очевидцевъ сраженія русскихъ со шведами, что въ этихъ курганахъ погребены нашіе воины во время похода Кар-

(191) Voltaire l'histoire de Charles XII, p. 137.

(192) Поздней, Исторія Петра Великаго. Томъ II, стр. 212 — 230.

(193) *Воен. Энциклоп. Лекс.* 1838 г., ч. II, стр. 280.

ла; впрочемъ, послѣ двухмѣсячной осады, долженъ былъ отступить безъ успѣха и направилъ военныя дѣйствія противъ Могилева (190).

Въ началѣ XVIII вѣка, Борисовъ былъ свидѣтелемъ извѣстнаго похода въ Россію шведскаго короля Карла XII, защитника Станислава Лещинскаго, которого онъ хотѣлъ возвести на польскій престолъ вмѣсто покровительствуемаго Петромъ Великимъ законнаго короля польскаго Августа II. Пройдя Польшае княжество и Маловію, преданная болѣе Августу II, чѣмъ Станиславу Лещинскому, и опустошивъ всѣ эти земли, Карлъ XII въ 1708 году вторгся наконецъ во владѣнія русскія и 21 января остановился подъ Гродномъ въ сопровожденіи Станислава Лещинскаго. Въ это время въ Гроднѣ лично присутствовали при войскахъ русскихъ Петръ Великій и, выдержавъ шведовъ подъ городомъ шесть дней, отправился въ Вильно, уничтожая вслѣдъ за собою всѣ магазинныя запасы. Карлъ вошелъ въ Гродно и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, нарочно распускалъ слухъ, будто двинется въ Псковъ, думая тѣмъ обмануть Петра Великаго, тогда какъ постоянною его мыслью было — пробраться въ Москву, — онъ только затруднился, какимъ путемъ пройти туда. Въ виду были три пути: черезъ Новгородъ и Тверь, или черезъ Смоленскъ, наконецъ черезъ Оршу и Тулу. Первый былъ очень затруднителенъ, потому что нужно было проходить черезъ большіе болота и густые лѣса; второй невыгоденъ, потому что Смоленскъ былъ сильно укрѣпленъ и могъ послужить помѣхой. Оставалось избрать послѣдній — черезъ Оршу и Тулу, конечно довольно длинный, но зато надежный и выгодный во многихъ отношеніяхъ. Тутъ онъ могъ проходить черезъ хлѣбородную Малороссію и безъ затрудненія прокормить войско, между прочимъ, запасами, приготовленными Петромъ въ magazzinoхъ, а между тѣмъ лишитъ русскихъ продовольствія. Притомъ Карлъ XII могъ рассчитывать на этомъ пути на увеличеніе силъ своихъ чрезъ присоединеніе къ нему измѣнника Россіи Мазепы съ запорожскимъ войскомъ, который, убѣдивъ его въ это время письменно, что возмутитъ противъ Петра всю Малороссію, ожидалъ его личныя приказанія въ Горы-Горкахъ (Могил. губер.). Вслѣдствіе этого Карлъ XII изъ Гродна пошелъ въ Сморгонь, чѣмъ ясно обнаружилъ предъ Петромъ, что онъ приближается къ Березинѣ, — и Петръ Великій, поручивъ часть войска Шереметеву, съ остальнымъ самъ двинулся изъ Вильно въ Чашинки,

(190) *Pamięt. Iana Christof. Paska*, str. 100.

ла XII. Что же касается до плотины, то ее сдѣлають *королевскою греблю*, потому что будучи она устроена была для прохода въ этихъ мѣстахъ шведскаго короля. Гребля эта до того прочно сдѣлана, что и въ настоящее время считается самымъ лучшимъ путемъ для проѣзжающихъ по перешейку и болотистымъ проселочнымъ дорогамъ окрестностей Ухолоды и Головичей. Такія свидѣтельства старожилوں и самые памятники служатъ думается доказательствомъ.

Послѣ шведской войны, Борисовъ почти цѣлое столѣтіе отдѣлялъ и не испытывалъ никакихъ сильныхъ переворотовъ. Но вотъ настала знаменитая въ лѣтописяхъ, нѣсколько русской, но и всемирной исторіи *опавшаяся годъ*, и Борисовъ становится мѣстомъ страшнаго побоища французовъ и соединенныхъ съ ними полковъ... Такъ какъ это побоище особенно доказало силу и славу русскихъ, то считаю нужнымъ передать о немъ подробнѣе: быть можетъ въ моемъ разсказѣ кое-что встрѣнется и также, на основаніи преданій еще живыхъ стариковъ-очевидцевъ, что не отдѣлено на страницахъ исторіи.

По ходу и обороту политическихъ событій въ Европѣ въ 1811 году, императоръ Александръ предвидѣлъ, что Наполеонъ рѣшился вступить въ Россію и началъ войну, двинувъ свои войска къ которой нибудь изъ двухъ ея столицъ. Поэтому императоръ заблаговременно приступилъ къ разнымъ военнымъ приготовленіямъ по трактамъ, ведущимъ въ обѣ столицы, а въ особенности велѣлъ укрѣпить нѣкоторые города на московскои трактѣ и преимущественно г. Борисовъ, какъ средній пунктъ московской дороги. Въ нѣсколько дней уѣзды: Борисовскій, Пугачевскій и Дивенскій представили работниковъ, а въ прочіяхъ отдаленныхъ собрали деньги для закупки необходимыхъ матеріаловъ. Тысячи стекшихся работниковъ, при помощи пионеровъ подъ руководствомъ полковника Грессера, стали насыпать предъ мостомъ, на правый берегъ Березины, окопы для помѣщенія 20,000 русскаго войска, которыя окончены были къ веснѣ 1812 года. 22 іюня 1812 года, Наполеонъ, расположивъ главную квартиру свою въ Вилькомишяхъ, формально объявилъ войну Россіи, и 24 іюня переправился въ Конопъ чрезъ Шмань, а спустя три дня чрезъ Вилію тронулся къ Вильно. Воображая себя полнымъ владѣтелемъ антовскаго края, Наполеонъ, продолженіе семидесятидневнаго пребыванія своего въ Вильно, занимаясь преобладаніемъ правленія въ этомъ край. Всѣ вилненскія округа раздѣлялъ на провинціи, департаменты, кантоны и вслѣдъ назначилъ французскихъ начальниковъ. Затѣмъ

двинулся к Дрисе и потом в Витебск, где думал встретиться с русскими войсками под предводительством самого императора, — но не встретив никакого сопротивления, овладев в Бѣлорусском краѣ, в том числѣ маршалъ Даву взял Минскъ, Борисовъ и Смоленскъ: съ этимъ краемъ точно также поступилъ Наполеонъ, какъ съ литовскимъ. Польскій генералъ Брониковскій назначенъ былъ управляющимъ Минскою провинціею, а генералъ Барбангеръ правителемъ борисовскаго департамента. Подъ предсѣдательствомъ Барбангера, изъ польскихъ обывателей Борисовскаго уѣзда устроенъ былъ комитетъ Борисовской подпрефектуры, который открылъ свои засѣданія 19 іюля тѣмъ, что раздѣлялъ уѣздъ на 12 кантоновъ, назначилъ новыхъ чиновниковъ, переименовалъ названия денегъ, мѣръ и вѣсовъ; въ самомъ городѣ учредилъ почту, полицію, организовалъ новое судопроизводство, назначилъ новую штемпельную бумагу для этого и предписалъ сборъ пошлинъ съ проѣзжающихъ; наконецъ завелъ консулцію и конскрипцію по сосѣднимъ мѣстечкамъ и деревнямъ. Не смотря на то, что Наполеонъ двинулся изъ Борисова дальше къ Москвѣ, правленіе Борисовской подпрефектуры не прекращало своихъ стѣснительныхъ и жестокихъ распоряженій, особенно касательно доставленія разныхъ припасовъ для французской арміи. Печальна была участь жителей Борисова и его окрестностей. Запасные магазины въ Борисовѣ, недавно наполненные мукою, крупною, овсомъ, сѣномъ, водою и говядиною для продовольствія русскихъ войскъ, по случаю вступленія въ этотъ городъ непріятелей, были сожжены русскими саперами. Между тѣмъ вошедшіе корпусы Даву и Богарне, составившіе 150,000 человекъ, наводили Борисовскій уѣздъ новыми войсками и новыми требованіями — требованіями самыми жестокими и неудобовольными. Устройство двухъ госпиталей: въ Борисовѣ на 2,000 и въ Докшичахъ на 150 кроватей, снабженіе ихъ всѣми нужными принадлежностями, лекарствами, продуктами, улата фельдшерамъ и прислугѣ, доставленіе продовольствія и сѣстныхъ припасовъ для дѣйствующей арміи французской — все это свалилось на приказанію Наполеона, на Борисова, несмотря на то, что не было никакой возможности исполнять такіа распоряженія. До какой степени жестоки были требованія Наполеона, это можно видѣть изъ того, что комитетъ борисовской подпрефектуры, ничуть не жалѣвшій бѣднѣхъ жителей, при всемъ усиліи не могъ въ точности выполнить волю опустошителя Бѣлорусскаго края. Такъ, напр. въ журналѣ подпрефектуры хранится, между прочими рапортами, донесеніе отъ

2 іюля, въ которомъ сказано, что Борисовскій уѣздъ, по доставленіи фуража на армію князя Экмюля (Eckmühl) 50,000 рацийновъ, на армію генерала Грочи (Groschy) 7,000, на восьмой корпусъ 16,000, на большой паркъ артиллеріи 3,000 лошадей, на гарнизонъ ежедневно около 1,000 порцій, да кромѣ того заготовленіе на ожидаемый корпусъ 40,000 рацийновъ, — никакимъ способомъ не можетъ уже представить, согласно приказанію, въ теченіи пяти дней: въ Денель 6,600 центеровъ и въ Чашки 200,000 порцій муки (194). Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ Наполеонъ не любилъ возраженій, то въ случаѣ строжайшаго приказанія, комитетъ, не смотря на жалобы и слезы жителей, вырывалъ изъ рукъ ихъ послѣднюю кроху, послѣднее зерно. Такъ, въ теченіе невоинныхъ трехъ мѣсяцевъ онъ наполнял съѣстными припасами три постоянные магазина въ Борисовѣ, Докшичахъ и Смоленскѣ: количество этихъ припасовъ состояло изъ 2,300 бочекъ ржи, 410 крушъ, 4,600 оса, 51,750 пудовъ сѣна и столько же соломы, 57,500 квартъ (штофовъ) водки, 34,500 фунтовъ соли и 1,725 штукъ воловъ (195); кромѣ того, въ теченіе семи дней на два этана въ Смоленскачѣ и Начѣ заготовилъ 400 бочекъ оса, 6,600 пудовъ сѣна и столько же соломы, 18,570 штофовъ водки, — и на одинъ этанъ въ Борисовѣ — 30,000 пудовъ муки ржаной, 200 бочекъ оса, 3,000 пудовъ сѣна и столько же соломы, 14,285 штофовъ водки и 400 штукъ воловъ (196); и наконецъ отдало въ Дубровну выславъ 400 бочекъ ржи, 370 воловъ, 4132 бутылки водки и 20 бочекъ оса (197). Можно себѣ представить, чего стоило собрать столько припасовъ изъ одного уѣзда!.. А сколько страдали жители отъ консулціи и конскрипціи!.. Между тѣмъ, во время такихъ жестокихъ распоряженій комитета, французскія войска подвигались все ближе и ближе къ Москвѣ. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона сообщаемы были въ этотъ комитетъ печальные бюллетени: присылали радостия извѣстія объ успѣхахъ великой арміи и эти извѣстія тотчасъ обнародованы были для расположенія извѣдовавшихъ умовъ жителей въ пользу новаго властелина. Потому бюллетени вылазны рѣже въ Борисовѣ; наконецъ сообщенія прекратились и... настала тревожная тишь по всей борис-

(194) Подлинный журналъ съ протоколомъ засѣданій борисовской подпрефектуры хранится въ Царской публичной библиотекѣ, откуда и заимствованы эти свѣданія.

(195) Тамъ же, протоколъ засѣданія комитета отъ 1 августа.

(196) Тамъ же протоколъ отъ 23 сентября.

(197) Тамъ же протоколъ отъ 10 августа.

сочинѣ. Почтовая дорога долго не приносила никакихъ вѣстей жителямъ Борисова.... Наконецъ, въ началѣ октября, стороной, окольными путями стали долетать до Борисова печальныя вѣсти о неудачѣ французскихъ войскъ; но эти вѣсти начальство подпрефектуры старалось по возможности скрывать отъ народа и выдавать ихъ за ложныя. И действительно, многие не вѣрили такимъ вѣстямъ: можно ли было думать, по видимому, чтобы дѣйствіе столь громаднаго войска, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ стремившагося въ глубь Россіи, не увѣнчалось успѣхомъ?... Но... вѣсти эти точно не были ложны: въ это время Наполеонъ съ позоромъ отступалъ уже отъ Москвы. Преслѣдуемый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ русскими войсками, онъ свѣхнулся назадъ въ Смоленскъ и наконецъ въ Борисовъ, вполнѣ надѣясь на помощь поляковъ въ этомъ сильно укрѣпленномъ и снабженномъ всѣми нужными припасами для войска городѣ.

Второго ноября, передніа французскія войска вступали уже въ Вязьму, когда Наполеонъ получалъ извѣстіе, что князь Шварценбергъ отступалъ къ Кобрину предъ армію Чичагова, шедшаго изъ Волынской губерніи и тѣмъ очистилъ русскимъ путь шедшаго изъ Борисова въ Березину. Извѣстіе это поразило Наполеона: ему нужно было не то что бы то ни стало удержать за собой Борисовъ. 19 ноября еще непріятѣльскія извѣстія получалъ Наполеонъ въ Дубровнѣ: первое о томъ, что Витебскъ занятъ Витгенштейномъ, другое о томъ, что Чичаговъ уже близъ Минска. Соединеніе этихъ двухъ силъ грозило гибелью французамъ, потому что онѣ отрывали имъ путь въ Борисовъ. «Минскъ хотѣтъ взять? нужно воспрепятствовать!...» гордо сказалъ Наполеонъ, выслушавъ эти извѣстія и въ ту же минуту послалъ изъ Дубровны два приказа: одинъ князю Беллюю (маршалу Виктору) выступить Витгенштейна, другой — князю Реджио (маршалу Удиню) вступить вѣстѣ съ вторымъ корпусомъ, крестрами генерала Леритге и съ сотнею пушекъ въ Борисовъ, потомъ занять Минскъ. Между тѣмъ, самъ Наполеонъ подвигался къ Березинѣ. Князь Беллюю встрѣтилъ Витгенштейна подъ Смоленскомъ и хотя не вытѣснилъ, но все-таки успѣлъ подѣ Смоленскомъ отъ дальнѣйшаго шествія. Но князь Реджио удержалъ его отъ дальнѣйшаго шествія. «Посланный не могъ занять Борисова. Генералъ Ожаронскій, посланный съ корпусомъ на встрѣчу ему фельдмаршаломъ Кутузовымъ, остановилъ его на дорогѣ. Такимъ образомъ, Минскъ, Борисовъ и Березина дапо были бы въ рукахъ русскихъ, еслибы

въслѣдствіе новыхъ приказаній Наполеона, не послѣднѣла на помощь къ Реджио съ 15,000 войска и 30 пушками полкъ Домбровскій — изъ Бобрюнска, который онъ во все время компаніи держалъ въ осадѣ. Мало того, Домбровскій по пути захватилъ въ Минскъ и самъ лично уведомилъ Брониковскаго о дѣйствіяхъ Чичагова. Поэтому, когда Чичаговъ сталъ приближаться отъ Свєржя къ Минску, Брониковскій, собравъ часть гарнизона, только что подымавшихся на ноги госпитальныя большіе солдаты и новосформированный полкъ Чанскаго подъ предводительствомъ Генерала Косецкаго, послалъ противъ Чичагова. Но что могли сдѣлать эти полубольные и необученные рекруты при встрѣчѣ съ свѣжими и хорошо устроенными войсками русскими? Встрѣтившись съ Косецкимъ подъ Кайдановымъ, Чичаговъ первую пулю разогналъ непривыкшихъ къ ружейному огню солдатъ, такъ что они разбѣжались въ безпорядкѣ, и вслѣдъ за тѣмъ безъ сопротивленія занялъ Минскъ. Брониковскій, оставивъ въ Минскѣ въ рукахъ русскихъ огромное количество съѣстныхъ запасовъ, только что принесенныхъ изъ Франціи и сложенныхъ въ костелахъ доминиканскомъ, бенедиктинскомъ, бернардинскомъ и францисканскомъ, — бѣжалъ съ остатками рекрутъ черезъ Борисовъ въ станъ великой арміи. Тогда Домбровскій, не видя никакой возможности оттереть Чичагова отъ Минска, оставилъ Бобрюжскъ и пройди успѣшнымъ маршемъ черезъ Яшницъ, Логн, Князевку, Забавичи, Глазиви, обошелъ Минскъ и 21 ноября вечеромъ занялъ подуразрушенные русскими окопы борисовскіе. Между тѣмъ, по распоряженію Чичагова, въ ту же ночь явился туда изъ Минска графъ Ламбергъ съ небольшимъ войскомъ и 22 ноября въ семь часовъ утра произошла упорная битва, продолжавшаяся до трехъ часовъ пополудни. Польскіе мятежники, составившіе отрядъ Домбровскій, не выдержали и дали тягу. Русскіе погнали ихъ черезъ Борисовъ и принерли къ самой Лошницѣ. Въ это время Наполеонъ былъ между Кохановымъ и Толочинномъ. Выгнавший изъ Борисова въ Лошницу, Домбровскій встрѣтился тамъ ночью съ 22 на 23 ноября съ отрядомъ Сент-Сира, составившимъ переднюю колону корпуса Реджио. Соединившись съ нимъ, Домбровскій возвратился въ Борисовъ 23 ноября и, пачае въ распахъ на русскихъ, заставилъ Чичагова отступить за р. Березину къ окопамъ: отступая, русскіе сожгли мосты.

«Въ тотъ же день, замѣчаетъ французскій историкъ (198), Реджио получалъ приказаніе осмотрѣть Березину ниже и выше

(198) Narvin, Histoire de Napoleon, p. 432.

Борисова и найти выгодное место для построения моста. Но его предупредил генерал Корбино (Corbinea), отгертый от корпуса Режю под Полоцком и сверх всякаго ожиданія здѣсь очутившійся: онъ указалъ мѣсто противъ дер. Студенки. Вѣдѣвше это, Наполеонъ тотчасъ приказалъ генераламъ Шаслю (Chasseloup) и Эбле (Eble) отправиться къ тому мѣсту съ понтонерами, саперами и всѣми нужными для построения моста снарядами, которые были наготовѣ въ Оршѣ. А между тѣмъ велѣлъ князю Белюю безъ отлагательства идти противъ Витгенштейна и, воспрепятствовавъ ему напасть на Режю, раньше его прити къ р. Березинѣ: потому что соединеніе Витгенштейна съ Чичаговымъ на берегахъ этой рѣки могло грозить французамъ большою опасностью. Согласно съ такимъ приказаніемъ Режю употребилъ всю стратегическую хитрость, чтобъ обмануть неприятеля насчетъ мѣста переправы въ Студенкѣ и отвлечь его отъ этого пункта, гдѣ все уже было приготовлено для переправы: предполагалось 24 ноября перейти чрезъ рѣку. Но предположеніе не исполнилось. Въ полночь, 25 ноября, курьеръ привѣлъ къ Наполеону съ вѣстью, что французскія войска еще находятся въ Борисовѣ, что неприятель подкрѣпленъ большими силами на берегахъ рѣки, что князь Режю проситъ помощи... Наполеонъ приказалъ князю Белюю преслѣчь въ Лепель и Бараны, чтобъ неприятель не могъ застичь Удино въ затруднительномъ положеніи. Итакъ, заключаетъ историкъ, тотъ, который долженъ былъ закрывать наше отступленіе чрезъ Бараны, — опасаясь, чтобъ не встрѣтиться съ Витгенштейномъ на Березинѣ, особенно въ Студенкѣ, сбѣжалъ присоединиться къ главной квартирѣ Наполеона въ Лошницѣ. Къ счастью, русскій генералъ не успѣлъ соединиться съ адмираломъ (?), а Кутузовъ былъ на нѣсколько маршовъ за нами; Чичаговъ же съ своимъ войскомъ стоялъ предъ нами. Еслибъ Березина замерзла, мы переправились бы безъ затрудненій; но ледъ не успѣлъ растаять, а потому нужно было раскинуть мостъ на широкой рѣкѣ, на которой скопились льдины грозилъ ломкою и уничтоженіемъ всѣхъ работъ.»

25 ноября, переночевавъ въ Лошницѣ, Наполеонъ отправился въ Борисовъ и туда перевелъ главную свою квартиру. Утромъ объявлялъ всѣмъ мѣстности надъ рѣкой и за рѣкой, потомъ остановился предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ валялись обгорѣлыя бревна сожженного моста и — долго стоялъ въ задумчивости... И было отъ чего задуматься... Въ это время положеніе Наполеона было самое незавидное... Припертый тремя сильными корпусами Ку-

товымъ для осмотра Березины, занявъ позицію по правую сторону ея противъ Студенки и пальбою изъ шести пушекъ затрудняя окончаніе работъ на мосту. Наполеонъ, разставивъ орудія на студенковскихъ горахъ (199) съ противоположной стороны, возбужденный такимъ дѣйствіемъ Чаплицы, скомаандовалъ: *coup de canon!* И всѣ пушки наведены были на русскихъ: послѣ небольшой отпалбы русскіе отступили: тогда работа на мосту пошла успѣшно и скоро было окончено нѣсколько паромовъ. Домбровский первый переправилъ свою дивизію на трехъ паромкахъ а совершенно вытѣснилъ Чаплицу изъ занятой имъ позиціи. Обработанный переправою Домбровскаго, Наполеонъ сталъ торопить работниковъ скорѣе окончить мостъ, чтобъ можно было послать на помощь Домбровскому побольше войска, опасаясь, чтобъ Чаплицѣ не успѣлъ нагнать въ эту сторону со всѣмъ своимъ войскомъ. Въ часъ пополудни мостъ былъ готовъ, — и первый Режю перешелъ чрезъ него со всѣмъ своимъ корпусомъ и направилъ маршъ къ дер. Стахову по дорогѣ къ Борисову, и тѣмъ отрѣзавъ доступъ въ Студенку Чаплицу, который дѣйствительно, узнавъ о движеніи Режю, стрѣлой неся къ студенковскому мосту. Въ четвертомъ часу наведенъ былъ другой мостъ и ввурѣ 250 пушекъ вѣстѣ съ цѣлымъ паркомъ амуниціи переправлено за рѣку. Такой тяжести невинесъ мостъ и во многихъ мѣстахъ поломался: но его тотчасъ исправили и черезъ него перешла вся артиллерія и гвардія Наполеона подъ прикрытіемъ артиллерию князя Белюю, сбѣжавшаго въ Борисовъ. Несмотря однакожъ на то, что Режю вытѣснилъ Чаплицу на правый берегъ, — русскія войска все-таки старались удержаться близъ этого берега и когда явилась артиллерія, вступили въ прежнюю позицію. Наполеонъ, видя опасность Режю, велѣлъ присоединиться къ нему Ню и Мортъе... Между тѣмъ наступила ночь, а битва не начиналась. Наполеонъ провелъ всю ночь подъ открытымъ небомъ вѣстѣ съ войскомъ, несмыкая глазъ ни на одну минуту. — 27 ноября съ разсвѣтомъ дня Наполеонъ вѣстѣ съ старой своей гвардіей переправился на правый берегъ Березины и присоединился къ передовому отряду Режю; вслѣдъ за старой гвардіей въ продолженіе цѣлаго дня успѣли переправиться Богарне и Дану. — Белюю, оставивъ подъ Борисовомъ дивизію Партуво, для прикрытія дороги въ Студенку, замкнулъ шестые великой арміи и подвинулся ближе къ Студенкѣ.

(199) Студенкѣ — большая деревня, раскинутая на высокой горѣ, окаймляющей равнину; отъ подошвы этой горы до самой рѣки идутъ обширныя топи болота; такія же болота и за рѣкой, гдѣ нѣтъ возвышеній пригорья, а направо отлогая равнина: на этихъ-то пригоркахъ стояли русскіе.

тузова, Витгенштейна и Чичагова къ берегамъ Березины, какъ на блуду непреступной въ такую пору года, — что могъ сдѣлать для своего спасенія *этотъ человекъ*, который всю надежду полагалъ на свои силы? Наполеону издумалось во чтобы то ни стало отвлечь куда нибудь въ противоположную сторону отъ Борисова Чичагова, который, расположившись на правомъ берегу Березины, особенно мѣшалъ его послѣднимъ отчаяннымъ планамъ, и такимъ образомъ выигрывать время для переправы. И вотъ онъ приказываетъ двинуться небольшой горсти войска вдоль Березины на пятнадцать верстъ впередъ отъ Борисова и въ деревнѣ Ухолодѣ дѣлать минныя приготовленія для переправы. Между тѣмъ король испанолитанскій, переодѣвшись въ фантастическое платье, въ сопровоженіи одиннадцати бродягъ подъ предводительствомъ переметчика-полаяка Михаила Коркозовича, назваващаго себя жанарскимъ капитаномъ, который хорошо былъ знакомъ съ мѣстностями Борисовскаго уѣзда, отправляется въ Студенку. Остановившись въ деревнѣ, велитъ одному изъ своихъ адъютантовъ переодѣться въ крестьянское платье, сѣсть на мужицкую лошадь и, въ его присутствіи, переплыть рѣку въ бродъ туда и назадъ. Затѣмъ галомомъ помчался съ *своей* въ Радзивиллово, куда неожиданно переведена была и въ Борисова главная квартира Наполеона, прошедшаго уже здѣсь ночь.

26 ноября, Чичаговъ, обманутой минными движеніями французскаго войска, оставилъ на стражѣ въ Борисовѣ генерала Палена, а самъ, разсчитывая, что Наполеонъ минными приготовленіями въ Студенкѣ и Ухолодахъ хочетъ его туда привлечь, устремилъ все вниманіе на мѣстечко, гдѣ, по его предположенію, Наполеонъ долженъ былъ переправиться чрезъ рѣку: оставшись самъ въ Забашенцахъ, послалъ въ это мѣстечко генерала Орурка. — Между тѣмъ Наполеонъ, одѣтый въ зеленый бархатный сюртукъ на собольемъ лѣду и въ такой же шапкѣ, съ разсвѣтомъ дня прохаживался въ Студенкѣ, на берегу р. Березины, при пылающемъ кострѣ дровъ, — прехладнокровно раздавалъ приказанія стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ войскамъ и присутствіемъ своимъ ускорялъ работу на мосту. Въ это время, въ первый разъ по выходѣ изъ Минска, явился къ Наполеону Брониковскій. Наполеонъ принялъ его дурно съ бранью и тутъ же велѣлъ ѣхать ему съ жандармами подъ Зембинѣ для осмотра иррегулярныхъ силъ. Но лишь только Брониковскій, имѣвшій негра на все пятдесять человекъ, показавъ на Зембинской плотинѣ, какъ его опрощула горсть казаковъ. А въ свою очередь генералъ Чаплицы, посланный Чича-

Ночь прошла спокойно. Но 28 ноября утромъ, генералъ Витгенштейнъ, соединившись съ переднимъ отрядомъ Кутузова, занявъ Борисовъ и заставилъ отступить отъ него маршала Виктора. Богарне и князь Экмюль, по приказанію Наполеона, отправившись въ Зембинѣ для очищенія передоваго пути... Необыкновенный гулъ пушекъ, звукъ оружія по обѣимъ сторонамъ Березины и крикъ сражающихся привѣстивали наступившій день. Съ одной стороны, Чичаговъ совокупленными силами наступалъ на князя Режю: Режю ранилъ, — его мѣсто, по приказанію Наполеона, заступилъ Ню, подкрѣпленный силами Мортъе. Съ другой стороны, князь Белюю велъ упорный и кровавый бой съ Витгенштейномъ, который старался выгнать отрядъ князя въ Березину. Вышено упорство и храброе сопротивленіе защищающихся, быстрое и яростное стремленіе наступающихъ произвели странное замѣшательство и волненіе между народамъ на мостахъ. Толпы народа, неучастнаго въ битвѣ, съ отчаяніемъ и крикомъ бѣжали по мостамъ въ беспорядкѣ; отъ скопленія бѣгущихъ, козлы, на которыхъ держался мостъ, пошатнулись и мостъ сильно повредился. Тутъ народъ суетится, шумитъ, — а здѣсь понтонеры починаютъ мостъ и безъ пошады толкаютъ людей и обозы съ багажемъ французскихъ семействъ въ Березину. И неудивительно: дѣло спѣшное и горячее; мостъ необходимъ былъ для сообщенія наполеоновыхъ приказаній, на обѣ стороны, войскамъ, плавающимъ въ крови и нуждавшимся въ его ободреніи... Но съ вступленіемъ Ню въ управленіе отрядомъ Режю, битва приняла другой оборотъ: мѣсто оборонительныхъ Ню началъ дѣйствія наступательныя; битва сдѣлалась упорнѣе; въ ней приняли участіе еще два корпуса (3-й и 3-й), разставленные самимъ Наполеономъ... Бой страшный и ожесточенный съ обѣихъ сторонъ — продолжался цѣлый день... Наконецъ въ десять часовъ вечера, Чичаговъ отступилъ къ Борисову съ большимъ урономъ. Тогда Наполеонъ послѣдовалъ къ лѣвому берегу Березины на помощь къ Виктору противъ Витгенштейна. Прижатый лѣвымъ крыломъ къ рѣкѣ, Викторъ, отбиваясь, сколько стало силъ, отъ напора Витгенштейна, безъ всякаго плана и порядка отступалъ къ Студенкѣ и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Уступивъ самовольно позицію, назначенную ему Наполеономъ подъ Борисовымъ, онъ не только открылъ дорогу со стороны Борисова для переправы, но и далъ возможность русской арміи окружить его со всѣхъ сторонъ и преслѣдовать даже во время отступленія. Витгенштейнъ, держа его, такъ сказать, въ запертѣ, въ

очевидно больше войска, хотья остаткн корпуса маршала вогнать въ рѣку и тамъ утопить. Словомъ, корпусъ Виктора повесъ въ этотъ день страшное поражение, и безъ сомнѣня окончательно пострадалъ бы, да и самъ Викторъ могъ бы погибнуть, есди бы не прѣбылъ къ нему на помощь Наполеонъ. Новая масса войска, подослѣвшая съ Наполеономъ, позкрѣвила силы Виктора и дала ему возможность выбиться изъ круга русскихъ войскъ и, послѣ долгой упорной битвы съ русскою артилеріею, успѣвъ по крайней мѣрѣ кой-какъ добраться до моста и скрыться за рѣкой. Въ этотъ страшный для французозъ день, кромѣ безчисленнаго множества убитыхъ и раненыхъ солдатъ, ранено нѣсколько генераловъ: Реждю, Домбровскій, Альбертъ, Клянартъ, Лосиковскій, Фуриеръ, Жираръ, Дама, Лепранъ и полякъ Заенчекъ. Одинъ Беллюво въ теченіи цѣлаго дня храбро отражалъ наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ и вечеромъ, когда Наполеонъ отозвалъ его изъ Студенки, неустрашимо всю ночь простоялъ предъ деревнею въ виду русскихъ войскъ и прикрывалъ собою раненыхъ, отставшихъ и заблудшихъ, также людей съ багажемъ и обозами, — словомъ всѣхъ, которые хотѣли уйти и спастись отъ окончательной гибели посредствомъ переправы черезъ рѣку. Наконецъ, 29 ноября еще до разсвѣта, князь перешелъ черезъ Березину и поручилъ генералу Эбле сжечь мосты, чьбъ спасъ небольшіе остатки своего войска отъ совершеннаго истребленія, но за то окончательно погубилъ дивизію Партуно. Отступая отъ Борисова къ Студенкѣ, Партуно снѣшилъ къ мостамъ и, не найдя ни одного, долженъ былъ сдаться русскимъ: 6,000 французозъ съ примѣсною поляковъ взяты были въ плѣвъ подъ Борисовомъ.

Что же дѣлалъ въ это время великій виновникъ гибели великой арміи, заведшій ее въ Россію единственно для удовлетворенія непомернаго своего властолюбія?... Какъ насекомк, растравшій стадо чужихъ овецъ, онъ заботился только о себѣ; думалъ, какъ бы самому спастись живому изъ предѣловъ Россіи. Не видя послѣ пораженія Виктора никакой надежды на малѣйшій успѣхъ и пришедши въ отчаяніе, онъ бросилъ все и всѣхъ и помчался черезъ Хоташевичи, Нестановичи, Молодечно, Сморгонь и Вильно, а оттуда черезъ Польшу во Францію передать народу печальную вѣсть о несмыханомъ пораженіи и дать отчетъ о бесконечныхъ потеряхъ, понесенныхъ французами въ Березинскую компанію. Вслѣдъ за нимъ въ величайшемъ безпорядкѣ тѣнулся Викторъ съ горстью своего войска....

по два рубля, а меньшихъ отдавали и дешевле. Между несчастными покаянными и осиротѣвшими дѣтьми было не мало, какъ послѣ оказалось, дѣтей непростого званія, и даже знаменитаго происхожденія, которыхъ внослѣдствіи искали. По крайней мѣрѣ извѣстны два случая подобныхъ происшествій. — На другой день послѣ выхода Наполеона изъ Борисова, борисовскій судья Л. Сутовичъ привелъ къ д. Пещеничи переабшю и голодную двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, которую нашелъ на студенковскихъ поляхъ. Тронутая жалкимъ положеніемъ дѣвочки, графиня Софія Тышкевичъ взяла ее подъ свое покровительство. Изъ словъ дѣвочки оказалось, что она называлась Маріею Colau, что она потеряла на берегахъ рѣки (Березины) мать, отца и двухъ малыхъ братьевъ. Графиня воспитала ее вмѣстѣ съ своими дочерьми и черезъ нѣсколько лѣтъ маленькая дѣвочка превратилась въ образованную дѣвушку. Въ 1817 году графиня по дѣламъ перѣехала въ Вильно вмѣстѣ съ дочерьми и Маріею. По какому-то особенному случаю, графиня узнала въ Вильно, что у г. Шостовицкаго воспитывались два пріемыша того же имени (Colau), которые оказались братьями Маріи. Г. Шостовицкій объяснилъ графинѣ, что, будучи главнымъ начальникомъ военныхъ госпиталей во время войны 1812 года, онъ зналъ ихъ отца, бывшаго главнымъ интендетомъ антекъ французской арміи, который, потерявъ жену и дочь, вмѣстѣ съ двумя сыновьями заболѣлъ въ Вильно тифузомъ и умеръ, оставивъ малолѣтнихъ сыновей безъ всякаго обезпеченія. Сыновья взяты были въ домъ Шостовицкаго: что потомъ случилось съ мальчиками — неизвѣстно. Дѣвушка же Марія поступила гувернанткою въ домъ помѣщика Коверскаго, а потомъ борисовскаго прелводителя дворянства Зеновича. Между тѣмъ графиня Тышкевичъ уѣхала въ Италію и, пробѣжавъ черезъ Францію, во всѣхъ главныхъ городахъ объявляла въ газетахъ о существованіи Маріи. Вслѣдствіе этихъ объявленій, въ 1824 году изъ Франціи прислано было письмо къ Зеновичу, въ которомъ назначенъ былъ Кролевецъ мѣстомъ свиданія съ Маріею. Въ означенный день госпожа Зеновичъ явилась въ Кролевецъ, гдѣ ее встрѣтила какая-то французская дама и, поблагодаривъ за участіе къ бѣдной сиротѣ, уѣхала назадъ вмѣстѣ съ Маріею. Внослѣдствіи, говорятъ, кто-то изъ белорусскихъ помѣщиковъ встрѣтилъ ее во Франціи и былъ свидѣтелемъ ея блестящаго положенія въ свѣтѣ, на которое она имѣла право по своему происхожденію. Марія съ чувствомъ благодарности разсказывала о первыхъ годахъ молодости, проведенныхъ ею въ Бѣлороссіи.

Два властолюбца, въ сто лѣтъ послѣ другаго, шли по одной и той же дорогѣ. Въ 1708 году, шведскій король Карлъ XII, черезъ Вильно, Сморгонь, Молодечно и Березино шолъ въ Россію съ полной надеждою на завоеваніе русской имперіи, съ совершеннѣйшею увѣренностью въ побѣдѣ надъ Великимъ Петромъ; грозилъ царю русскому, что онъ уничтожитъ его, что Россія падетъ предъ могуществомъ Швеціи и пр. и пр. А кончилось тѣмъ, что чуть было не поналъ въ плѣвъ на берегахъ Буга и возвратился въ Швецію безъ ноги и безъ славы. Въ 1812 году, черезъ тѣже — Молодечно, Сморгонь и Вильно бѣжалъ Наполеонъ и за нимъ остатки его грозной арміи.

Страшную, поразительно-ужасную картину представляла собою Студенка послѣ Березинской битвы. Вся деревня превращена была въ дымящіяся головы и раскаленный пепель: жители разбѣжались по полямъ, поля были обгарены кровью и завалены трупами. Между трупами раздавались болѣзненные крики и тяжкіе стоны полуживыхъ или вѣрнѣе полумертвыхъ, которые напрасно просили помощи, напрасно умоляли о состраданіи: голоса ихъ замирали въ воздухѣ, какъ эхо въ пустынѣ, никому было услышать страдальцевъ. Жестокій морозъ леденѣлъ ихъ тѣла и захватывалъ дыханіе: и гибли бѣдные жертвы властолюбія Наполеона, которымъ, можетъ быть, довелось бы еще пожить долго и съ пользою, есди бы кто нибудь могъ спасти ихъ отъ смерти. Растаявшія воды Березины высоко поднялись и выступили изъ береговъ: отъ напавшаго въ нихъ людей, лошадей, экипажей, орудій и оружія.... Сколько разумнаа эта гибельная для французозъ война жень съ мужьями, дочерей съ матерями, сестеръ съ братьями! Спасавшій, кто могъ уйти отъ такой страшной смерти! а можетъ быть счастливые тотъ, кто умеръ въ этотъ день, потому что окончилъ разомъ ислъ страданія не видѣть и не слышать, что было послѣ.... А что было — ужасно! Маленькія дѣти, потерявши родителей, блуждали по лѣсамъ и полямъ и не встрѣтивъ души живой многія оконечивали отъ нестерпимаго холода и голода. Рѣдкія изъ нихъ попадали въ жилой домъ и могли отогрѣть свои полузамерзшія члены или утолить голодъ кускомъ чернаго хлѣба. Очень и очень не многія изъ нихъ были приведены или принесены сострадательными крестьянами въ деревни помѣщиковъ и тамъ наши пріюты, а внослѣдствіи получили кой-какое воспитаніе. Не малое число этихъ дѣтей найдено было на большихъ дорогахъ борисовскими мѣщанами, которые накормивъ и напоивъ, обратили ихъ въ предметъ своей торговли: семилѣтнихъ и шестилѣтнихъ дѣвочекъ продавали

Другой случай вотъ какой. — Послѣ переправы Наполеона черезъ Березину, 29 ноября, какой-то молодой офицеръ, изъ арміи Чичагова, нашелъ на трупѣ женщины годовую дѣвочку, которая хватала губами холодныя груди матери. Видя несчастнаго дитяти тронуть сердце русскаго офицера, онъ взялъ его съ собою. По когда прошелъ первый порывъ чувства состраданія, офицеръ призадумался, куда ему дѣвать это бѣдное дитя среди постоянныхъ передвижекъ полковъ, когда онъ не могъ ругаться и за свою будущность. Наконецъ, во время отдыха его отряда въ дер. Метлячахъ, онъ отнесъ дитя къ помѣщицѣ Жиженской и уприсялся ее взять бѣдную сиротку, окрестить, назвать Катериною и воспитать, для чего на первый случай оставилъ сто рублей сер. — Желаніе офицера не въ точности было исполнено. Г-жа Жиженская обратила дѣвочку въ горничную. Въ 1822 году какой-то офицеръ явился въ Метлячи и предъявилъ свои права на дѣвцу Катерину, взявъ ее оттуда и уѣхавъ — куда, неизвѣстно. Уже въ 1846 году, настоятель околоскаго костела получилъ изъ Петербурга прошеніе о взысканіи метрическаго свидѣтельна дѣвочки (Катерины), найденной на студенковскомъ побоищѣ. На прошеніи подписанъ — полковникъ Гарсе. — А сколько дѣтей, можетъ быть, благородныхъ родителей выросло въ семьяхъ простодушновъ Борисовскаго уѣзда? Многія дѣвочки помнятъ въ число пріслуги помѣщичьей и лакезей. Онѣ не помнятъ своего отечества, не знаютъ обстоятельствъ, доведшихъ ихъ до такого положенія, не понимаютъ своего языка и только изъ разсказовъ другихъ догадываются, что онѣ нѣкогда были французженками, пришли въ Россію съ родными, лишившимся которыхъ лишились и того званія, къ которому принадлежали по своему рожденію.

Не менѣе жалкую картину представляла собою и Борисова послѣ побоища Наполеонова. Весь городъ былъ опустошенъ, а во многихъ мѣстахъ сожженъ; улицы были завалены полубогрѣвшими трупами, дома — наполнены ранеными, больными и лѣлыми. Крикъ, шумъ, плачъ и проклятій слышались вездѣ. Ожесточенные жители стонали французозъ и поляковъ какъ животныхъ въ хлѣва и морили ихъ голодомъ въ отищеніе за погубаніе этихъ мародеровъ надъ храмами и образами русскихъ, цѣломудрѣемъ жень и дочерей ихъ. Запавные въ хлѣва, они съ отчаяніемъ сами себя поджигали и такъ гибли. Впрочемъ, многіе спаслись отъ преслѣдованія черни и, по выздоровленіи отъ ранъ, разселись по западнымъ губерніямъ. Нѣкоторые даже посчастливилось въ Россіи: поступивъ гувернерами и учителями въ дома помѣщиковъ и оказавшись добросовѣстными, они внослѣд-

ствѣн попали наставниками въ разныя училища. Многие были опытные въ медицинѣ и разномъ ремесленничествѣ, назвали себя докторами, слесарями, столярами, скорняками, дистилляторами и пристроились въ Россіи.

Всѣмъ за выходомъ Кутузова въ Минскъ и потомъ въ Вильно, занялись очищеніемъ Борисова и Студенковского побочна. Собрать былъ народъ со всего уѣзда и стали вытаскивать изъ Березины трупы людей и лошадей, оружія, ящики съ амуницией, фурунги и разныя экипажи; изъ экипажей вынимали мертвыхъ матерей съ дѣтьми, кормилицъ съ дѣтьми, и тутъ же хоронили тѣла ихъ вмѣстѣ съ убитыми въ общей могилѣ. Все, что только вынуто было дѣланого изъ воды или найдено на полѣ битвы, становилось невознабранною собственностью тѣхъ, которые находили; дорогіе камни, коляска, разныя драгоценныя вещи, солдатская амуниція, всякаго рода оружія, мушкетеры, сѣла и т. п. — все это поступало въ дома частныхъ владѣльцевъ, обывателей, шераковъ и крестьянъ. — Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 12-го года можно было видѣть въ разныхъ домахъ куски сукна отъ мушкетеровъ, разныхъ цвѣтовъ шерсть съ солдатскихъ эпозель и кордоновъ, множество красныхъ сулановъ и кирасъ, шпагъ и сабель, крестовъ, книгъ, бомбъ, пулъ и пр. Дорогие часы, столовая посуда — стеклянная и фарфоровая, серебряныя приборы, золотыя кольца и перстни, пистолеты въ богатой оправѣ за безцѣнокъ продавали крестьяне. А всякаго жельза — шить, колесныхъ оброчей, осей и разной формы оковъ столько собрано было нѣкоторыми обывателями, что они не покупали его лѣтъ десять. — Много вещей сохранилось и до настоящихъ дней. Вышедшіе изъ употребленія безцѣны (вѣсы) и ручныя мельницы встрѣчаются и теперь въ нѣкоторыхъ обывательскихъ домахъ. — Безъ сомнѣнія, много вещей и погибло въ Березинѣ, воды которой унесли ихъ вмѣстѣ съ пескомъ, но и эти вещи по временамъ находятъ еще въ рѣкѣ. Не такъ давно студенковскій поселенникъ, кунался въ Березинѣ, нашелъ крестъ съ цѣпью, который, какъ оказалось, былъ украшеніемъ какой-нибудь духовной особы; что онъ былъ золотой, это подтверждается тѣмъ, что жидъ, корчмарный арендаторъ, самый опытный ювелиръ въ деревнѣ, далъ за него поселеннику восемь рублей, не считая водки, которую угостилъ онъ продавца не въ счетъ платы. — Не менѣе дорогихъ вещей и особенно денегъ осталось внутри земли. Отступая отъ Москвы, французы предвидѣли страшную свою будущность и потому, начиная отъ Смоленска до Вильно и дальше, въ разныхъ мѣстахъ, замѣтныхъ

по своему положенію, закапывали серебро и золото въ надеждѣ возвратиться когда нибудь за ними. Объ этихъ зарытыхъ сокровищахъ въ Борисовскомъ уѣздѣ сохранилось много преданій и разсказовъ: особенно говорятъ о кладахъ погъ Кохановымъ, Веселовымъ, Зембинъ и Пашевичахъ. А послѣ Березинскаго пораженія, въ то время, какъ разстроеныя войска опростою безъ всякаго порядка бѣжали къ Вильно и лошади падали съ голоду, а потому не имѣли времени зарывать въ землѣ, бросали боченки съ золотомъ по дорогамъ: — въ Вильнѣ, они валялись на улицахъ. — Но какъ и всякія преданія, такъ и преданія о французскихъ кладахъ, въ устахъ народа, постоянно преувеличиваемы были и въ настоящее время возрасли въ баснословныя легенды, — особенно о безчисленныхъ сокровищахъ банъ Студенки и Борисова. И находились люди легковѣрные, которые провалили счастья — найти въ землѣ то, чего не положили, — перекопали нѣсколько холмовъ, перепортили множество могилныхъ кургановъ и хотя возвратились ни съ чѣмъ, но все таки сами же поддерживали эти сказки о кладахъ. А въ 1843 году прѣѣзжало какое-то иностранное общество и, съ дозволенія начальства, отыскивало въ Борисовскомъ уѣздѣ, по картѣ, зарытыя деньги, но тридцать лѣтъ времени значительно измѣнили и мѣстность и сама окрестности, а потому, не могли найти ихъ ни съ картою, ни даже съ самыми преданіями, общество предоставило открытіе этихъ денегъ какому нибудь счастливицу.

Вотъ рядъ событій историческихъ, происходившихъ въ Борисовѣ и его уѣздѣ отъ самыхъ древнихъ временъ до настоящихъ. Перехода, какъ мы видѣли выше, отъ минскихъ или вообще отъ древне-русскихъ князей къ литовскимъ, отъ литовскихъ князей къ польскимъ королямъ и, наконецъ, возвратившихъ къ родной семьѣ Руси, — Борисовъ испытывалъ разныя перевороты въ отношеніи административномъ; смотря по тому, къ кому переходилъ, принималъ такую или другую форму правленія въ духѣ той націи, которая имѣла власть надъ этимъ городомъ.

Находясь во власти русскихъ князей, Борисовъ пользовался правами свободнаго города и подчиненъ былъ князю минскому или кривичскому. Какими особенными правами пользовался въ то время Борисовъ — неизвѣстно: административныхъ актовъ

не сохранилось, по всей вѣроятности, какъ городъ укрѣпленный, по словамъ летописи (см. дальше), пользовался значеніемъ не послѣднимъ въ системѣ минскаго уѣзда. — Не болѣе извѣстій сохранилось и отъ того времени, когда Борисовъ былъ въ составѣ великаго княжества Литовскаго. По крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣ эпохи соединенія Литвы съ Польшею, Борисовъ сталъ входить въ составъ воеводства, старосты и повѣстовъ на основаніи литовско-польскихъ постановленій. Въ архивѣ князя Радзивилла хранится копія *привилей* (литовскаго князя) Александра-Ягеллончика, въ которой упоминается о Борисовѣ какъ о старостѣ. Съ начала XVI вѣка, Борисовъ кромѣ общей участи обращенія въ унію бѣлорусскихъ городовъ, сталъ испытывать обременительныя налоги такъ называемыхъ *антипенцій* и *опанци* (т. е. дарственныхъ владѣній) своевольной шляхты польской. Въ архивѣ же князя Радзивилла находится формальная выписка изъ литовскихъ метрикъ отъ 1542 года, мая 20, индикта 15, свидѣтельствующая, что такъ называемый замокъ Борисовскій съ *привилеями* подаренъ Сигизмундомъ Августомъ Яну Юревичу Габровичу, виленскому воеводѣ, вслѣдствіе чего Борисовъ причисленъ былъ въ виленскому *воеводству*. Затѣмъ, съ 1563 по 1798 годъ Борисовъ считался старостомъ то Казановскихъ, то Слущекъ, то Огнискскихъ, а наконецъ князей Радзивилловъ, и принадлежалъ къ воеводствамъ виленскому и витебскому, и въ разныхъ повѣствахъ: оршанскому, оршанскому и докинскому, какъ доказываютъ это древніе акты (1660 — 1775, и 1775 — 1795 г.) борисовскіе (200). Для предохраненія Борисова отъ притѣсеній старосты въ продолженіе ихъ управленія этимъ городомъ, послѣдовало нѣсколько польско-королевскихъ грамотъ въ пользу жителей города, ихъ вольности и неприкосновенности прежнихъ правъ. Такъ, въ 1563 году (августа 10) издава была грамота Сигизмунда-Августа; въ 1577 г. — *привилей* Стефана Баторія; — въ 1595 г. грамота Сигизмунда III; въ 1640 — *привилей* Владислава IV. Наконецъ, въ 1792 г. (14 іюня) Станиславъ-Августъ, по просьбѣ борисовскихъ мѣщанъ, издалъ такъ называемый *привилей renovations* (201), въ которомъ Борисовъ объявленъ вольнымъ конституціоннымъ городомъ. — Но всѣ эти привилегіи и грамоты не могли обуздать магнатовъ — старосты, особенно во время рѣчи — лосповитой. Каждый староста, смотря по своимъ нуждамъ, а чаще пристрастіямъ, стѣснялъ права жителей Борисова или даже вовсе уклонялъ ихъ изъ виду, если приходилось

(200) Акты хранятся въ архивѣ борисовскаго лѣскаго суда.

(201) Привилей хранится въ архивѣ борисовскаго суда.

ему извлекать изъ того выгоду, и не обращать вниманія на жалобу города. До какой степени доходили притѣсенія старосты, это видно изъ того, что въ 1781 году (октября 4) правительствомъ польское, по неотступнымъ просьбамъ мѣщанъ, вынуждено было назначить комиссію и подробно опредѣлить, сколько чего именно обязаны они выдавать старостамъ натурой или деньгами. Впрочемъ и подобная мѣра не смирила старосты: нужна была власть самодержавная. И вотъ съ присоединеніемъ бѣлорусскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Борисова, къ родной семьѣ Русской Имперіи, Борисовъ свободно вдохнулъ послѣ своеволия польскаго. Въ 1798 г. (января 19), Императоръ Павелъ, утвердивъ грамотою право владѣнія землями борисовскихъ старостъ (съ 8,000 душъ) за послѣдними старостами борисовскими Радзивиллами, исключилъ изъ этого права самый городъ Борисовъ (202). Съ этого времени Борисовъ сдѣлался государственнымъ городомъ и перемещенъ въ уѣздный городъ минской губерніи. Борисовскіе мѣщане стали пользоваться городскими грунтами безъ всякой затылаты. Губернаторъ Карпѣвъ, о которомъ мычине сохранили столько отразныхъ воспоминаній, желая предостеречь отъ злоупотребленій по этому случаю споры, предложилъ правительству указать опредѣленные границы между грунтами борисовскихъ мѣщанъ и грунтами Радзивилловъ. Для этой цѣли, въ 1798 году (15 ноября) командированъ былъ изъ Минска губернской землемѣръ Соина для размежеванія означенныхъ земель. Такъ какъ впоследствии мѣщане стали жаловаться на отнятіе у нихъ земель радзивилловскою администраціею, то въ 1829 году, по повелѣнію Великаго князя Цесаревича Константина, назначенъ былъ комитетъ для новаго размежеванія и въ 1830 г. размежеваніе исполнено было землемѣромъ Совкиевичемъ, вслѣдствіе котораго городъ получилъ въ свое распоряженіе 2,645 десятинъ и 227 сажней земли пахатной, сѣнокосной, въ томъ числѣ выгоновъ и зарослей. Въ 1833 году мѣщане борисовскіе, на основаніи какого-то стариннаго акта, вздумали домогаться нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ некому городу и только недавно захваченныхъ Радзивилловскою управою, вслѣдствіе чего поручено было борисовскому землемѣру Совкиевичу поправить прежнія размежеванія согласно съ жалобою мѣщанъ. Г. Совкиевичъ донесъ, что означенная управою дѣйствительно забрала у города много окрестныхъ земель. На основаніи такого донесенія, городу Борисову дозволено завестись по этому случаю тяжбу: судя по требованіямъ города, Радзивиллы

(202) Грамота, данная на имя виленскаго воеводы князя Михаила Мартинювича Радзивилла, хранится въ радзивилловскомъ архивѣ.

должен потерять несколько соседних съ Борисовомъ деревень и фольварковъ. Тяжба пока не кончена.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что въ 1830 году Высочайше утверждена планъ о построении новаго города Борисова, копія съ котораго хранится въ архивѣ городской думы.

Каковъ же Борисовъ въ настоящее время и что въ немъ сохранилось изъ древнихъ памятниковъ?

Въ настоящее время Борисовъ можно назвать небольшимъ городомъ, занимающимъ довольно красивое мѣстоположеніе. Жителей въ немъ считается 6,000. Пространство всего города составляетъ 10,500 сажени, изъ которыхъ 2,352 занимаетъ базаръ или рынокъ, раскинутый посреди города близъ церкви. Рынокъ этотъ существуетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ съ XVII вѣка. Въ инвентарѣ 1680 года сказано, что рынокъ былъ большой, вокругъ котораго находились казенныя здания, а посрединѣ церковь (203) св. Спаса; въ этомъ же инвентарѣ упоминается объ улицахъ: Сосной, Замковой, Мостовой, Полоцкой, Польнской или Березинской, Описьковой, Млыновой, Оршанской и Заболоцкой, а домовъ насчитывается 382 (204). Нишь въ Борисовѣ 610 домовъ: всѣ они деревянные, большую частью принадлежатъ частнымъ людямъ, казны принадлежатъ только три. Въ составъ домовъ входятъ двѣ еврейскія божницы и двѣ пригородныя мельницы. Большая часть жителей — евреи, въ рукахъ которыхъ заключается почти вся торговля борисовская. Главная торговля ихъ — лавочная. Лавки ихъ расположены вокругъ площади; въкоторыя изъ нихъ довольно порядочны, особенно галантерейныя и бакалейныя; канцелярская одна, да и та очень похожа на харчевню.

Главное украшеніе площади — соборная православная Воскресенская церковь — деревянная, въ новомъ русско-византийскомъ вкусѣ, построенная въ 1830 году вмѣсто старой и обнесенная рѣшетчатою деревянною оградой, съ четырьмя входами. До извѣстнаго опредѣленія о церковныхъ штатахъ, борисовскому причту принадлежала деревня Кобыльщина; кромѣ того, въ ея же владѣніи было шесть грунтовъ возлѣ Борисова, пожалованныхъ

(203) Старожилы говорятъ, что кромѣ Спаской были еще двѣ.

(204) Инвентаръ хранится въ раздѣльскомъ архивѣ.

красивъ и великъ, поднимается и разводится на цѣпахъ; вмѣстѣ съ плотинами занимаетъ 260 сажени въ длину; постройка его обошлась въ 15,000 рублей серебромъ. Надзоръ за мостомъ и переправами чрезъ Березину порученъ инженерному офицеру. Всякій разъ, проѣзжая въ Борисовъ, я встрѣчалъ на этомъ мосту множество гуляющихъ, которые, увлекаясь воспоминаніями о событіяхъ отечественной войны, во время гуляній заводили рѣчь объ этомъ ужасномъ для французовъ времени и рассказывали множество анекдотовъ изъ событий 12-го года. И какъ въ самомъ дѣлѣ не увлекаться здѣсь воспоминаніями о блистательной побѣдѣ русскихъ надъ тѣмъ, кто считалъ себя необходимымъ и передъ которымъ преклонялась было почти вся Европа.

Но нишъ кажется, что самое лучшее и живописное мѣсто для лѣтнихъ гуляній — небольшой красивый островокъ по правую руку за мостомъ: часть этого островка занята щегольской дачею г. Энгельсманна, которая по своей внѣшней красотѣ и внутреннему убранству комнатъ могла бы поспорить съ любой дачею петербургскихъ окрестностей. Когда-то эта дача была оживлена и славила богатыми пирами: про нее столько носилось слуховъ и рассказовъ самыхъ фантастическихъ, что въ убѣдѣ ея прозвали волшебнымъ замкомъ, а владѣтельницу замка борисовскою Семiramидою. По смерти этой любительницы увеселеній, дача приняла болѣе скромный видъ и въ настоящее время славится большимъ цѣлникомъ. Впрочемъ, дача эта всегда имѣетъ свое значеніе, потому что занимаетъ часть той земли, на которой некогда стоялъ древній борисовскій замокъ. Другую часть земли занимаетъ тюрьма. Стѣны замка сохранились только въ небольшомъ оконѣхъ и обидномъ каналѣ. Преданія же о существованіи этого замка самыя сбивчивыя и неопредѣленныя. Мы приведемъ ихъ въ связи съ рассказами объ немъ историковъ. Гезагинъ (205) говоритъ, что въ XVII вѣкѣ замокъ борисовскій имѣлъ форму окруженную и былъ довольно сильно укрѣпленъ бастионами и стѣною, вокругъ которой проведенъ былъ каналъ, соединившійся съ рѣкою Березиною. Нарушевичъ прибавляетъ, что возлѣ замка находилась церковь съ глубокими подземельями, которыя имѣли тайное сообщеніе съ подземельями замка (206).... Высказаніи, во время борисовскаго старства, замокъ обращенъ былъ въ зданіе старостинской администраціи. Перестроенный борисовскій старостой Огинскимъ, онъ существовалъ въ такомъ видѣ до начала XIX вѣка; по свидѣтельству

(205) Гезагинъ, pag. 302.

(206) Нарушев. Т. II, стр. 234.

въ 1770 году борисовскимъ старостой Огинскимъ на имя священника Клементовича. Въ настоящее время, въ замкѣ этихъ помѣстій и уголій, назначено причту жалованье и указаная порція пахатной и сѣнокосной земли. Кромѣ соборной, въ Борисовѣ есть приписная, небольшая деревянная Николаевская церковь, построенная на крутомъ возвышеніи въ виду рѣки Березины. Есть еще и польско-католическая церковь или костелъ — каменный, построенный въ 1806 году близъ знаменитаго Борисовскаго, или, правильнѣе Березинскаго моста. Въ этомъ костелѣ всакую пятницу совершается поминовеніе по королю Владиславу IV-мъ и строится храма Адамъ Казановскомъ.

Не смотря на свое древнее происхожденіе, Борисовъ можетъ похвалиться довольно широкими и прямолинейными улицами, которыя почти всѣ сходятся у главнаго центра города — рыночной площади. Замѣчательныя изъ нихъ: *Минская*, получившая названіе отъ столбовой дороги изъ Минска въ Борисовъ; *Московская*, начинающаяся отъ дороги московской и петербургской; *Лепельская* — отъ лепельскаго тракта; *Полоцкая*, потому такъ названная, что она вела къ дорогѣ въ Полоцкъ; нишь нѣтъ этой дороги, сохранились только слѣды какого-то глухого просека; *Польнская* отъ того, что на этомъ мѣстѣ, говорятъ, былъ глубокой прудъ съ польнью; *Виленская*, потому что въ ней оставались виленскіе извозчики; *Хоругвей* — отъ существовавшего въ этомъ мѣстѣ казеннаго дома съ выставленною хоругвою, принадлежавшею замку; *Шедская*, получившая свое названіе, вѣроятно, оттого, что въ 1708 году въ ней располагались обозы шведы; *Юридическая*: говорятъ, здѣсь былъ іезуитскій коллегіумъ; *Савкина* — отъ фамиліи *Савта*, поселившейся здѣсь съ незапамятныхъ временъ; *Млынарская*, ведущая изъ городскимъ мельницамъ; *Слободская* или *Солдатская*, заселенная отставными солдатами-инвалидами. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ и именно — *Минская*, *Московская* и *Лепельская* вымощены камнемъ; остальные во время дождя бываютъ грязны. По принятому мѣстному обыкновенію, лѣтомъ подъ вечеръ горожане, за неизмѣнимъ публичнаго сада, гуляютъ по болѣе чистымъ и широкимъ улицамъ.

Впрочемъ, этими мѣстами неограничиваются гулянья горожанъ: многіе пробираются за Московскую улицу къ каляваріи (польское кладбище) или по преимуществу на *Мостъ*, на мостъ, который перекинутъ чрезъ Березину въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ борисовскихъ старожилловъ, въ 1812 году *французы омылись отъ своихъ грѣховъ*. Мостъ довольно

старожилловъ, этотъ перестроенный замокъ, со всѣми принадлежавшими къ нему зданіями, былъ деревянный на каменномъ основаніи, съ одними воротами: отъ замка до Хоругвей улицы проведенъ былъ чрезъ каналъ небольшой мостикъ для пѣшеходовъ. Въ началѣ XIX вѣка замокъ предназначень былъ для помѣщенія въ немъ раздѣльскаго *администраціи*. Послѣ перемѣщенія ея въ другое селеніе, замокъ нѣкоторое время служилъ мѣстомъ собранія дворянъ во время выборовъ, потомъ, не будучи ни кѣмъ поддерживаемъ, мало по малу приходилъ въ совершенный упадокъ и почти развалился. Наконецъ, по распоряженію правительства, на удѣльшемъ каменномъ основаніи замка построена тюрьма; прочія зданія частью обращены въ казармы инвалидной команды, а нѣкоторыя, нишъ острова, проданы борисовскому еврею, который построилъ на ихъ мѣстѣ постоянный дворъ.

Какъ бы оспаривала первенство предъ этимъ мѣстомъ древняго замка, немного подальше отъ острова, гордо возвышаются свои хребты батареи или укрѣпленія 12-го года, такъ живо сохранившія въ устахъ народа память о знаменитыхъ подвигахъ русской артиллеріи. И эти батареи также нѣрѣдко становятся мѣстомъ прогулокъ горожанъ. Батареи эти, вмѣстѣ съ подземными казармами, такъ старательно устроенными въ 1811 году, существовали во всей своей цѣлости до 1815 года. Еще въ 1814 году, подземныя деревянныя казармы наполнены были некакого рода французской амуницией, ружьями и саблями, собранными бывш. Студенки, а равно събѣтными припасами для прокормленія возвращавшихся русскихъ войскъ и французскихъ пѣхотинъ. Въ началѣ 1815 года, Борисовъ опущенъ былъ отъ войскъ и батареи вмѣстѣ съ казармами оставлены были на произволъ жителей города. Борисовскіе мѣщане стали вытаскивать изъ стѣнъ казармъ бревно и желѣзо, и тѣмъ ускорили разрушеніе нѣкоторыхъ частей батарей: въслѣдствіи многія возвышенія совершенно провалились и заросли даже соснами до того, что теперь нельзя назвать ихъ батареями. Въ настоящее время, впрочемъ, сохранились еще нѣкоторыя передовыя батареи и онѣ-то составляютъ мѣсто гуляній и даже осмотровъ проѣзжающихъ. А дѣйствительно, передовыя батареи составляютъ прекрасное мѣсто для обозрѣнія города въ полномъ его составѣ. Чудный видъ съ нихъ на городъ!... Особенно весело, когда Березина разливается чуть ли не по всему Борисову. Этотъ видъ имѣетъ что-то фантастическое вечеромъ, среди безчисленныхъ огней, отражающихся въ водахъ.

Кстати о Березинѣ. Березина получаетъ свое начало въ Борисовскомъ уѣздѣ, при мѣстечкѣ Докшичахъ, отъ небольшого болота и течетъ сначала отъ юга на сѣверо-западъ, потомъ отъ сѣвера на югъ; за тѣмъ проходитъ по мокрымъ дугамъ, покрытымъ кустарниками, и низменнымъ мѣстамъ, заросшимъ лѣсомъ, чрезъ уѣзды: Борисовскій, Игуменскій и Бобруйскій, наконецъ, захвативъ четыре версты въ Могилевской губерніи, впадаетъ въ рѣку Дибирь въ Рѣчицкомъ уѣздѣ (Минской губерніи) ниже мѣстечка Горвала. Вообще Березина протекаетъ отъ начала своего источника до впаденія 600 верстъ. Въ теченіи своемъ она принимаетъ въ себя рѣки: Свислочь въ 10 верстахъ отъ Борисова, Суху въ самомъ Борисовѣ, Бобръ въ 25 верстахъ отъ Борисова, Бресату въ 30 верстахъ, Рауу въ 35, и многія другія болѣе мелкія: всѣхъ принимаетъ одинадцать. Ширина Березины отъ начала до того мѣста, гдѣ начинается березинскій каналъ, отъ 2 до 15 сажень, ниже до устья отъ 15 до 100 сажень; подлѣ Борисова она раздѣляется на два рукава, каждый въ 5 или въ 6 сажень ширины. Березина и лѣтомъ имѣетъ столько глубины, что ниже Борисова по ней могутъ уже ходить суда. Иногда весною въ Березинѣ бываетъ сильная прибыль воды на 18 и 24 фута. Эта-то прибыль воды, по причинѣ низменности береговъ Березины, превращается тогда въ наводненіе и бываетъ причиною долгихъ холодовъ и поздней сѣялки—особенно въ самомъ Борисовѣ. Разлившаяся Березина медленно спадаетъ и едва въ концѣ мая вступаетъ въ берега: оттого въ апрѣлѣ и даже маѣ бываютъ сильныя вѣтры, дѣлающіе климатъ въ Борисовѣ неприятнымъ, который и безъ того тамъ суровъ. Березина становится судоходною при впаденіи въ нее Сергуны. Судоходство по ней бываетъ двоякое: одно — въ Борисовѣ, противъ теченія воды, а изъ Борисова до ея устья по теченію; другое только въ Борисовѣ противъ теченія воды. Въ Борисовѣ противъ теченія воды, приходятъ байдаки съ солью, хлѣбомъ, водкою, ценькою, бочарнымъ лѣсомъ и клепками; съ мятами, товарнымъ деревомъ, брусьями: аглицкими, клеицескими и голландскими, также съ бѣлыми колодами. Всѣ эти товары привозятся изъ южныхъ губерній, также Могилевской и Смоленской, а изъ Минской изъ уѣздовъ: Игуменскаго, Бобруйскаго, Рѣчицкаго и Борисовскаго. Изъ Борисова, съ теченіемъ воды, байдаки отправляются съ легкимъ грузомъ: лыжъ, роговъ, мочулы и кашней. Кроме того, изъ Борисова перевозятъ на плотахъ дерево низшаго сорта, известное подлѣ именемъ *каравокъ*, и смолу въ бочкахъ: все это идетъ къ Николаевскому порту, а отсюда въ губерніи: Кіевскую,

Полтавскую, Черниговскую и Херсонскую. Изъ Борисова противъ теченія воды большого судоходства до сихъ поръ еще не существуетъ; по крайней мѣрѣ изъ Борисова не ходятъ суда: причиною тому необыкновенная мелкость Березины во многихъ мѣстахъ русла и особенно богатость озеръ Манца и Плавья, при помощи которыхъ Березина можетъ имѣть только сообщеніе съ рѣкою Уляю и черезъ нее съ Западною Двиною, а следовательно и съ Ригою. Впрочемъ, чтобы сколько нибудь облегчить эту невыгоду для торговли, правительство назначило въ 1842 году провѣсть каналъ отъ рѣки Сергуны и такимъ образомъ, выновать озеро Манца и Плавья, соединить Березину съ Западною Двиною; вслѣдствіе этого изъ Борисова противъ воды сплавляютъ въ Ригу товарное дерево, разныя брусья, клепки и мяты. Успѣху березинской торговли не мало содѣйствуютъ каналы Сергучинскій и Березинскій. Первый, получивъ названіе отъ рѣки Сергучи, выкопанъ, по распоряженію правительства, въ 1803 году; имѣетъ 12 мильговъ и начинается въ западной половѣ Борисовскаго уѣзда въ 82 перстахъ отъ города. Второй — отъ рѣки Березины проведенъ къ Западной Двинѣ въ 1806 году и извѣстенъ подлѣ именемъ березинской системы. Вся торговля Березины простирается до 600,000 руб. сер.

Начало березинской торговли нужно относить къ отдаленнымъ временамъ. Въ XV вѣкѣ литовское правительство, начиная съ Ольгерда, а вслѣдъ за литовскимъ и польское, владея западно-русскимъ краемъ, усильно заботились о поддержаніи черноморской торговли — для сбыта мѣстныхъ товаровъ. Но такъ какъ для утвержденія черноморской торговли необходимо было соединеніе Дибиря съ Чернымъ моремъ, а Дибирь представляеть много препятствій для большаго судоходства (можно было только перетаскивать на маленькихъ баркахъ дерево и смолу) по причинѣ безчисленныхъ и большихъ пороговъ, которые учрежденная къ свое время коммиссія нашла невозможнымъ уничтожить (207), то рѣшено было приступить къ соединенію Чернаго моря съ Балтійскимъ чрезъ соединеніе рѣки Березины съ Виліею (которая, какъ известно, впадаетъ въ Западную Двину, а Двина чрезъ Рижскій заливъ въ Балтійское море) при посредствѣ новопроведеннаго канала и шлюзовъ. Въ 1631 году на варшавскомъ сеймѣ, по повелѣнію Владислава, составленъ былъ проектъ о проведеніи канала съ плузу Березины до Виліи (208). Но непозвѣстно почему проектъ этотъ неосуществился. Известно только,

(207) Czacki, o handlu Polskim z portą Ottomanską, T. III, str. 327.
(208) Vol. leg. T. III, 681, 683.

что составленъ былъ новый проектъ для соединенія рѣки Березины съ Западною Двиною, который найденъ былъ впоследствии между бумагами борисовскаго земскаго суда и уже въ 1799 году, по возвращеніи Минской губерніи въ составъ Россіи, приступлено было къ проведенію канала, который оконченъ въ 1806 году и получилъ названіе березинской системы.

Такимъ образомъ, при учрежденіи березинской системы, торговля черноморская оживилась. Соединенная съ рѣками: Сною, Гайною, Усяжою и Броднянкою, Березина сообщается лѣсныя произведенія: дерево, смолу и проч., чрезъ руки евреевъ и христіанскихъ купцовъ, въ Кременчугъ и потомъ въ Черное море; а изъ Кременчуга доставляетъ обратно противъ воды на байдакахъ соль, также пшеницу и разную крупу. А при помощи шлюзовъ чрезъ озера Пелликъ, Лепельское и рѣку Улянку, Березина переноситъ товары въ Балтійское море.

Исторія древняго березинскаго судоходства до насъ не дошла: вѣроятно исчезла въ архивахъ. А потому приведемъ здѣсь по крайней мѣрѣ сравнительныя числа привознаго товару по березинской системѣ и дохода съ него въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ и въ обыкновенный урожайный годъ.

Въ обыкновенный урожайный годъ среднимъ числомъ приходитъ изъ Малороссіи къ борисовской пристани до 70 байлаковъ (плоскостное судно съ парусами) съ хлѣбомъ на 20,000 руб. сер. и преимущественно съ солью на 230,000 руб. Разница бываетъ единичная, рѣдко десятичная.

Въ неурожайные же годы сумма привозныхъ товаровъ уменьшается 300,000 руб. сер. Такъ въ 1845 году, въ одинъ изъ самыхъ неурожайныхъ годовъ, пришло въ Борисовъ байдаковъ 288. На нихъ было: ржи 493,135 пуд. на 127,518 руб. сер.; ржаной муки 94,518 пуд. на 26,818 руб. сер.; пшеницы 149,503 пуд. на 45,602 руб. сер.; муки пшеничной — сѣтной 7,383 пуд. на 4,802 руб. сер.; проса 14,017 пуд. на 5,784 руб. сер.; гречи 27,134 пуд. на 6,350 руб. сер.; гречневой крупы 20,233 пуд. на 8,021 руб. сер.; ячменю 4,700 пуд. на 930 руб. сер.; ячменной крупы 2,200 пуд. на 570 руб. сер.; гороху 3,444 пуд. на 90,12 руб. сер.; соли (209) 171,142 пуд. на 78,117 руб. сер.; хлѣбнаго вина (тогда не было еще откупа въ Борисовѣ) 34,828 ведеръ на 17,286 руб. сер. Итого на 329,810 руб. сер.

Не менѣе хлѣба и соли, сплавляютъ и лѣсу по Березинѣ. Количество сплаваго лѣса зависитъ отъ качества зимняго пути, по

(209) Соль въ Борисовѣ продается въ самое дешовое время по 50 коп. сер., а въ самое дорогое — по рублю, рѣдко выше рубля.

которому свозят его въ Борисовъ изъ сосѣднихъ пущъ и по-
томъ весною сплаваютъ въ Ригу. Изъ сплаваго лѣса замѣча-
тельны голландскіе брусья, которыхъ вывозятъ на 75,000 руб.
сер., мемельскіе — на 40,000 руб., англійскіе — на 51,000 руб.
дубовыя кленки — на 13,500 руб., колоды и балки на 15,000
руб. Кромѣ того, по Березинѣ въ Кременчугъ сплавляютъ еже-
годно борисовскаго лѣсу — *каравоки* (необтесанные брусья) около
30,000 штукъ на 20,000 руб. сер., и смолы около ста куфъ
большихъ бочекъ въ 40 ведръ) на 1,500 руб. сер. Торговля лѣ-
сомъ производится большею частью евреями борисовскими,
минскими, чашиновскими, березинскими и вивецкими, изъ ко-
торыхъ многіе не живутъ въ Борисовѣ, а имѣютъ тамъ только
своихъ повѣренныхъ. Этотъ родъ торговли доставляетъ сосѣд-
нимъ борисовскимъ крестьянамъ возможность извлекать изъ нее
пользу: они занимаются для срубки и перевозки лѣса, для слив-
ки смолы и закупориванія бочекъ; въ самомъ Борисовѣ зани-
маются мѣщане торговлею, изъ которыхъ большая часть зани-
мается хлѣбопашествомъ. Больше оборотливые и состоятельные
изъ нихъ участвуютъ въ навахъ съ купцами и перѣдко закупаютъ
смолу по частямъ для доставки въ большомъ количествѣ на бо-
рисовскую пристань.